

П.Н. Гордеев

**«ХОЧЕТСЯ ИДТИ К ВАМ И СВОИМИ РУКАМИ
ОЧИСТИТЬ ДОРОГОЙ ТЕАТР ОТ СКВЕРНЫ,
ЗАНЕСЕННОЙ СТИХИЙНЫМ БЕЗУМИЕМ»:
РАЗГРОМ МАЛОГО ТЕАТРА В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ 1917 г.**

P.N. Gordeev

**“MY FERVENT WISH IS TO JOIN YOU AND WITH MY
OWN HANDS CLEAN THE DEAR THEATER FROM THE
FILTH BROUGHT BY DELIRIOUS MADNESS”: THE PILLAGE
OF THE MALY THEATER IN EARLY NOVEMBER 1917**

Аннотация. На рубеже октября и ноября 1917 г. Москва стала ареной ожесточенных боев между сторонниками большевиков и силами, верными Временному правительству. Активные боевые действия велись и на Театральной площади, вследствие чего пострадали оба государственных театра, Большой и Малый. Если Большому театру еще относительно повезло, то Малый подвергся настоящему разгрому, виновником которого был отряд красногвардейцев, сформированный на Кольчугинском заводе во Владимирской губернии, прибывший в Москву 1 ноября и занявший театр в ночь на 2 ноября. Как только этот отряд удалось 4 ноября выпроводить из Малого театра, руководители последнего (артисты А.И. Сумбатов-Южин и О.А. Правдин) инициировали скрупулезный подсчет потерь. Ущерб, нанесенный казенному имуществу, был в течение нескольких месяцев в целом компенсирован, в отличие от значительных утрат личного имущества артистов и служащих. Переписка о возмещении личного ущерба велась не менее года, в то время как прогрессирующая инфляция обесценивала заявленные первоначально материальные требования. Политические последствия разгрома Малого театра выразились в резком всплеске антибольшевистских настроений не только среди членов труппы, но и во всей театральной Москве. Пресса, подробно описывавшая детали «надругательства» над «домом Щепкина», не жалела резких слов для характеристики красногвардейцев, а сами актеры Малого театра на общем собрании 7 ноября приняли предложенную А.И. Сумбатовым-Южиным резолюцию,

Гордеев Пётр Николаевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Gordeev Petr Nickolaevich, Doctor in History, Senior Research Fellow, Department of Russian History (19th–21st centuries), Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia

+7-911-280-39-04; petergordeev@mail.ru

в которой решительно потребовали невмешательства в свою деятельность любых учреждений или лиц, не принадлежавших к составу труппы. Это был очевидный выпад в адрес Московского военно-революционного комитета и назначенной им «комиссаром театров» Е.К. Малиновской. Разгром Малого театра привел к усилению в театральном ведомстве позиций непримиримых противников новой власти, в частности, главноуполномоченного по государственным театрам Ф.Д. Батюшкова, которого А.И. Сумбатов-Южин подробно информировал о событиях в Москве.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., бои в Москве в ноябре 1917 г., большевики, Малый театр, А.И. Сумбатов-Южин, О.А. Правдин, Ф.Д. Батюшков.

Abstract. Between October and November 1917, Moscow became the scene of the fierce fighting between the supporters of the Bolsheviks and the forces loyal to the Provisional Government. Active hostilities took place in Theater Square, and as a result, both state theaters, the Bolshoi and Maly, were damaged. The Bolshoi Theater was relatively lucky, but the Maly was pillaged at the hands of a Red Guard detachment, which was formed at the Kolchuginsky plant in the Vladimir province. It arrived in Moscow on 1 November and occupied the theater on the night of 2 November. As soon as the Red Guards were induced to leave the Maly Theater on 4 November, the heads of the latter (artists A.I. Sumbatov-Yuzhin and O.A. Pravdin) initiated a scrupulous calculation of the losses. The damage caused to the state property was generally compensated within a few months, unlike the significant losses of the personal property of the artists and employees. Correspondence about the compensation for the latter lasted for at least a year, while progressing inflation was depreciating the originally claimed compensation. The plunder of the Maly Theater had such political consequences as a sharp surge of anti-Bolshevik sentiments not only among the members of its troupe, but in Moscow theatrical circles as a whole. The press described the “pillage” of the “Shchepkin’s Home” in minute detail, the journalists did not spare harsh words to characterize the Red Guards, and the actors of the Maly Theater themselves at a general meeting on 7 November accepted the resolution proposed by A.I. Sumbatov-Yuzhin in which they sharply demanded non-interference in their activities by any institutions or persons that did not belong to the troupe. That was an obvious attack on the Moscow Military Revolutionary Committee and its appointee “commissar for theatre” E.K. Malinovskaya. The plunder of the Maly Theater contributed to the strengthening of the positions of irreconcilable opponents of the new government in the theater department, in particular, F.D. Batyushkov, whom A.I. Sumbatov-Yuzhin gave a detailed report about the events in Moscow.

Keywords: Russian October revolution of 1917, fighting in Moscow in November 1917, Bolsheviks, Maly Theatre, A.I. Sumbatov-Yuzhin, O.A. Pravdin, F.D. Batyushkov.

* * *

Октябрьское вооруженное восстание в Москве, вылившееся в несколько дней кровопролитных боев, не только обернулось многочисленными жертвами в противоборствующих лагерях, но и

принесло немалые разрушения городу. В памяти современников запечатлелся обстрел Кремля — национальной святыни России; при этом пострадали и прилегающие к нему кварталы, в том числе архитектурный ансамбль Театральной площади. Здесь находились оба императорских театра, Большой и Малый, а неподалеку, на Большой Дмитровке, располагалась в отдельном здании Московская контора государственных театров, в сентябре 1917 г. преобразованная в две канцелярии — уполномоченного по Большому театру (этот пост занимал знаменитый тенор Л.В. Собинов) и уполномоченного по Малому театру (во главе «дома Щепкина» стоял актер и драматург А.И. Сумбатов-Южин)¹.

Разгром Малого театра во время революционных боев в Москве, упоминаемый во многих артистических мемуарах и посвященных «дому Щепкина» монографиях, никогда ранее не становился предметом специального исследования. Между тем именно концентрация исследовательских усилий на определенном, на первый взгляд локальном событии порой позволяет лучше понять развитие революционного процесса, разобраться в сложном переплетении различных сил, сложившемся к концу 1917 г. в России в целом и в Комиссариате Временного правительства над бывшим Министерством двора (к ведению которого относились и государственные театры) в частности. Источниковая база предлагаемой вниманию читателя работы достаточно обширна. Частично она состоит из документов Московского военно-революционного комитета (МВРК), воинских частей, партийных и общественных организаций, опубликованных в советское время в ряде сборников, объединенных темой Октябрьского вооруженного восстания в Москве (отметим, что эти документальные публикации практически не использовались историками театра). Определенную роль в установлении судьбы Малого театра и его погромщиков в начале ноября 1917 г. играют и публикации в прессе.

Важнейшими источниками являются материалы пяти архивов и рукописных отделов научных организаций, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Наибольший интерес представляют материалы, выявленные в фондах Большого (ф. 648) и Малого театров (ф. 649), а также в личных фондах Л.В. Собинова (ф. 864), А.И. Сумбатова-Южина (ф. 878) и Е.К. Малиновской (ф. 1933) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В фондах Дирекции императорских театров (ф. 497) в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Народ-

¹ Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб., 2020. С. 302–306.

ного комиссариата имуществ Республики (ф. Р–410) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) обнаружена служебная переписка о ликвидации ущерба, нанесенного Малому театру в начале ноября 1917 г. В Государственном центральном театральном музее имени А.А. Бахрушина (ГЦТМ) представляют определенный интерес материалы личного фонда артиста О.А. Правдина (ф. 217), одного из руководителей Малого театра. Наконец, в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома, ИРЛИ) в Петербурге выявлены письма уполномоченного по Малому театру А.И. Сумбатова-Южина к главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову (архив последнего полностью не систематизирован), в которых Южин делился подробностями московских событий.

Осматривая 8 ноября 1917 г. бывшую контору, заведующий зданиями Малого театра и конторы подполковник Н.П. Штер (в прошлом полицеймейстер московских императорских театров) отметил в протоколе, что «во время Октябрьских — Ноябрьских событий в здании Конторы были выбиты разорвавшимся вблизи здания снарядом стекла в количестве 287 штук»². Незначительные повреждения получило величественное здание Большого театра. Назначенная МВРК 3 ноября «комиссаром театров»³ Е.К. Малиновская вспоминала, что «в тот же день» она «с группой работников» Большого театра обошла здание: «Снаружи оказались побитыми оконные стекла, внутри здания был полный порядок, только из запертого ящика стола оказалась похищенной небольшая сумма общественных денег»⁴. Персонал Большого, впрочем, готовился к худшему. В декабре 1917 г. председатель Совета старост оркестра Я.К. Королев уведомил Л.В. Собинова о поступке одного из служащих: «30-го октября, во время вооруженного восстания, капельдинер оркестра Петр Яковлевич Степанов явился в театр, по собственной инициативе перенес все находившиеся в оркестре инструменты, не исключая контрабасов и литавр, в отдельную комнату, где запер их и ключ отнес Х. Шмукловскому»⁵. Артист Д.А. Смирнов в интервью «Петро-

² РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

³ Московский военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 г. / Сост. В.А. Кондратьев. М., 1968. С. 277.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 12. Л. 7. Побитые стекла повлекли за собой и другие потери в театральном имуществе. Главный машинист Большого театра К.Ф. Вальц доносил 18 ноября в постановочную часть, что со сцены похищены «половики из разных опер и балетов», а также некоторые декорации, причем куски половиков обнаружены у дворников и пожарных, которые забивали ими разбитые окна (Там же. Ф. 648. Оп. 2. Д. 4. Л. 242–243).

⁵ Там же. Ф. 648. Оп. 2. Д. 21. Л. 1.

градской газете» рассказал, что в Большом были обворованы артистические уборные, в которых хранились костюмы, а из его уборной украли ящик с гримировальными принадлежностями⁶. Костюмы украли и из уборной певца И.С. Дыгаса⁷. В прессе отмечалось, что «из уборных и помещений канцелярии театра была унесена вся мелочь до чернилниц и перьев включительно»⁸. Но ущерб в виде разбитых стекол, похищенных «общественных денег», грима и перьев мерк в сравнении с тем, что пришлось пережить в эти дни занятому солдатами и красногвардейцами Малому театру.

В увидевших свет в советское время актерских мемуарах тема разгрома Малого театра в дни восстания либо вообще замалчивалась, либо подавалась в значительно смягченном виде, как, например, в воспоминаниях А.А. Яблочкиной, описывавшей свое посещение театра в начале ноября: «На самой сцене ночевали вооруженные люди. Повсюду валялись папиросные окурки, бумажки, пустые коробки из-под консервов. Никаких серьезных повреждений я не заметила. Все было легко поправимо, и я успокоилась»⁹. Источники, современные событиям, рисуют гораздо более драматичную картину. 10 ноября 1917 г. А.И. Сумбатов-Южин писал Л.В. Собинову: «Рад, что Вы целы... и что нас застали целыми, впрочем, едва на ½ в Малом театре! Нас разгромили»¹⁰. 12 ноября тот же Южин писал в Петроград руководителю театрального ведомства, главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову: «Избавьте меня от подробного описания того разгрома и общей картины, которую я застал в Малом театре, как только, наконец, мог пробиться к нему после четырех неудачных попыток пройти сквозь огненное кольцо обстрелов и пожаров, отделявшее район Бронной, где я живу, от театра в течение 28 окт[ября] — 2 н[оя]бря. Все четыре раза меня задерживали патрули, стоявшие на углах переулков, выходящих на Тверскую, и возвращали вспять. Да и если бы мне хотя раз удалось проникнуть, сделать нельзя было ничего, судя по той встрече, которая была мне сделана со стороны банды, занимавшей Малый театр в числе до 200 человек, точно сорвавшихся с картин Гойи... При личном свидании если оно суждено, расскажу Вам все подробно. <...> Душа болит невыносимо»¹¹. В прессе помещали адресованное

⁶ *Бинокль*. Беседа с Д.А. Смирновым (московские впечатления) // Петроградская газета. 1917. 18 ноября.

⁷ Пострадавшие артисты // Театр. 1917. 9–11 ноября.

⁸ Хроника // Новости сезона. 1917. 18–19 ноября.

⁹ *Яблочкина А.А. 75 лет в театре*. М., 1960. С. 250.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 804. Л. 9.

¹¹ ИРЛИ. № 15227. Л. 5–5 об.

Южину письмо К.С. Станиславского, написанное основателем МХТ вскоре после личного посещения Малого театра: «Я испытывал тоску и злобу, точно изнасиловали мою мать, точно оскорбили священную память дорогого Михаила Семеновича. Хочется идти к вам и своими руками очистить дорогой театр от скверны, занесенной стихийным безумием. <...> Дай Бог вам сил поскорее забыть ужасный кошмар»¹².

Обширный материал о разгроме «дома Щепкина» содержится в отложившемся в архивном фонде театра в РГАЛИ «Деле о восстановлении повреждений и расхищенного имущества в Малом театре». 8 ноября писец Канцелярии уполномоченного по Малому театру и по совместительству кандидат в экстерны этого театра В.А. Быковский¹³ записывал показания свидетелей. Управляющий театром, заслуженный артист О.А. Правдин рассказал о событиях, предшествовавших вторжению вооруженных людей на историческую сцену. «27 октября в Малом театре была премьера: шла др[ама] “Саломея” и “Флорентийская трагедия”. К концу спектакля по театру разошелся слух, что началось движение, и на улицах Москвы здесь и там раздавались выстрелы. В 12 часу я пошел домой, отдав вахтеру и служащим приказ все тщательно осмотреть и расставить сторожей. На улице было тихо, а так как я живу в доме “Метрополь”, напротив Малого театра, то совершенно спокойно дошел до дому. 28-го часов в 12 дня я снова пошел в Малый театр и нашел ворота на запоре и все служащие¹⁴ на своих местах. Отдав приказ вахтеру иметь строгое наблюдение, никого не пропускать, я вернулся домой. 29-го я опять отправился в Малый театр и опять был обрадован тем же порядком: меня встретили вахтер Оленев и машинист Степан Лобанов, которые рассказали мне, что красногвардейцы сделали уже попытку пробраться в Малый театр, но, сломав ворота бывшего Царского подъезда, они попали в новую столярную мастерскую, совершенно отрезанную от сцены и театра. Их заметили наши рабочие и сторожа, которые во главе с Лобановым и Оленевым их и выпроводили. Бомбардировка в это время была уже настолько сильна, что у сторожа Васильева на лестнице и в мастерской пулями уже были пробиты стекла. Я покинул Малый театр и на другой день выйти из “Метрополя” уже не мог. Стреляли и в “Метрополь” и в Малый театр и площадь была покрыта мертвыми и ранеными. Так продолжалось 31-го и 1-го»¹⁵. На площади действительно развернулось настоящее сражение: еще в

¹² Маленькая хроника // Театр и искусство. 1917. № 47. С. 791.

¹³ См.: Гордеев П.Н. Указ. соч. С. 548.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 135 об.–136.

седьмом часу утра 2 ноября в штаб МВРК поступали сводки: «Сейчас гостиница “Метрополь” обстреливается нашими орудиями. Оттуда отвечают пулеметным огнем: очень сильно, широко». Лишь в половине двенадцатого дня поступила сводка о занятии «Метрополя» (ранее оборонявшегося юнкерами) силами МВРК¹⁶.

О том, какие именно большевистские силы занимали район государственных театров на рубеже октября и ноября, можно узнать из документов МВРК. В 5 часов утра 31 октября МВРК отправил на Театральную площадь отряд из 150 человек под командой Чиколини [С.В. Чикколини], из которых 50 должны были занять Большой театр, 50 — Малый и 50 — гостиницу «Метрополь»¹⁷. Этот план, очевидно, был составлен наспех: «Метрополь» представлял собой один из важных центров обороны юнкеров, на взятие которого были нужны значительно большие силы, а здание Большого театра особой стратегической ценности не имело. Личность начальника большевистского отряда не сулила театрам ничего хорошего: во время Гражданской войны С.В. Чикколини будет судим однопартийцами за жестокость, производимые им без всякого суда и следствия расстрелы неугодных лиц и изнасилования своих сотрудниц¹⁸.

В первые дни разгрома в театре присутствовали, судя по сохранившимся документам, лишь несколько представителей технического персонала: сторожа при уборных П. Богданов и Д. Васильев, фельдшер П.В. Захаров, пожарный И. Калашников и вахтер А.Ф. Оленев. Из их рассказов вырисовывалась следующая картина: до 31 октября включительно никаких посторонних людей в театре не было (не считая описанного Правдиным инцидента, произошедшего 29 октября, на основании которого в «Бюллетене ВРК» несколько преждевременно отметили, что в этот день Малый театр был занят «нашими войсками»¹⁹); первые группы солдат появились в Малом в ночь на 1 ноября (скорее всего, это были части принимавшего активное участие в боевых действиях на стороне МВРК 56-го пехотного запасного полка; по крайней мере, удостоверение солдата этого полка было позднее найдено в театре среди других обороненных «захватчиками» бумаг²⁰; кроме того, 1 ноября «в карауле» у Малого театра числи-

¹⁶ Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы / Под общ. ред. Г.Д. Костомарова. М., 1957. С. 437, 439.

¹⁷ Документы Великой пролетарской революции / Под ред. И.И. Минца, И.М. Разгона. Т. II. М., 1948. С. 133.

¹⁸ *Войтиков С.С.* Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М., 2017. С. 19, 20, 507.

¹⁹ Московский военно-революционный комитет. С. 78.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

лось 20, а «при Большом театре» — 10 так называемых «двинцев»²¹). Служащие расходились в оценках точного времени. Так, П.В. Захаров утром в 8 часов 1 ноября услышал шум от разбиваемого окна в кабинете врача, А.Ф. Оленев вспоминал, что его в 8-м часу утра вызвал в театр Захаров; придя в театр, Оленев увидел «на дворе Малого театра несколько солдат», потребовавших открыть ворота, ведущие на Театральную площадь. Оленев «под угрозой расстрела» был вынужден это сделать²². Сторож Д. Васильев (показания которого подтвердил и пожарный Калашников) услышал шум в театре, а затем увидел и солдат, проникших со двора, еще в 4-м часу утра (возможно, речь шла о разных группах солдат, либо же некоторые из давших показания свидетелей не следили за временем). Вошедшие солдаты искали «юнкеров и белогвардейцев» (П.В. Захаров вспоминал, что они потребовали провести осмотр, «так как будто бы из театра стреляли»), а затем попросили отвести их в помещения, выходящие в сторону гостиницы «Метрополь». При этом в течение всего дня 1 ноября солдаты вели себя «спокойно и ничего на сцене и в уборных не трогали» (показания Д. Васильева, подтверждаемые и другими очевидцами). Ситуация резко изменилась, когда в ночь с 1 на 2 ноября (около 1 часа ночи, по словам Васильева) солдат сменили красногвардейцы — рабочие с Кольчугинской фабрики. Они начали «громить уборные и растаскивать имущество». Когда Васильев попытался отговорить их от этого, ему пригрозили оружием и приступили к разгрому гардероба. Кроме того, 2 и 3 ноября «на сцену приходили сестры милосердия и посторонние женщины, якобы с той же Кольчугинской фабрики»; они, вспоминал Васильев, «ходили по

²¹ Документы Великой пролетарской революции. Т. II. С. 165. «Двинцами» в 1917 г. именовались солдаты 5-й армии, арестованные летом 1917 г. за дезертирство и пораженческую агитацию и незадолго до Октябрьской революции переведенные из тюрьмы в г. Двинске в Москву. Они сыграли видную роль в боях конца октября — начала ноября. Некоторые «двинцы» вспоминали об участии в перестрелках на Театральной площади и во взятии гостиницы «Метрополь» ([Предисловие] // Двинцы. Сборник воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документы. М., 1957. С. 4; Федотов П. Солдаты-двинцы // Там же. С. 18–22, 30; Ростовцев В. За власть Советов // Там же. С. 101, 102).

²² 18 лет спустя, в условиях советской цензуры А.Ф. Оленев (отец заслуженного артиста РСФСР П.А. Оленева) совсем в других словах вспоминал об этих событиях: «И хотя сзади меня шли красногвардейцы, держа револьверы с взведенными курками, я знал, что никто из них не выстрелит в меня. Они держали наготове оружие для отражения внезапного нападения, так как ходили слухи, что театр занят белыми». Через несколько дней, когда красногвардейцы покидали театр, «начальник отряда кольчугинцев» сказал Оленеву: «Мы победили. Понимаешь?... Мы победили. И никто нас больше не осилит никогда!». «Мы с ним распрощались, как родные братья. Он меня благодарил за содействие и долго жал мне руку», — вспоминал бывший вахтер. «Тогда я в первый раз за 4 дня пришел домой спокойным и сказал жене: Мы победили!...» (Оленев А.Ф. Красная гвардия в Малом театре // Малый театр. 1935. 19 ноября).

уборным с красногвардейцами и брали различные вещи» (фельдшер Захаров показал, что появление сестер милосердия было связано с желанием красногвардейцев устроить импровизированный лазарет для раненых)²³.

Стоит несколько слов сказать о запятнавшем себя вандализмом красногвардейском отряде, прибывшем из Владимирской губернии. Крупный московский предприниматель, купец I гильдии А.Г. Кольчугин в 1871 г. основал в Юрьевском уезде «Товарищество медеплавильных заводов А.Г. Кольчугина», вскоре разросшееся в целый город, получивший в честь завода название Кольчугино (сам основатель, испытывая финансовые трудности, еще в 1886 г. продал свои паи Товариществу, основным владельцем которого перед революцией был торговый дом «Воган и Ко»)²⁴. В 1917 г. на заводе был сформирован боевой отряд, и 1 ноября Кольчугинская красная гвардия²⁵ численностью 180 человек прибыла в древнюю столицу. В ее рядах было и несколько фельдшерниц, которых видели в театре Д. Васильев и П.В. Захаров. Кольчугинцы первоначально расположились в Сокольнических трамвайных мастерских, ставших базой для целого ряда большевистских частей²⁶. Возможно, в отряде кольчугинцев были и отдельные представители других фабрик: при разборе завалов в театре после погрома были обнаружены документы нескольких человек, из которых двое были военные (один — 56-го полка и один без указания части), остальные — рабочие (большинство с заводов А.Г. Кольчугина во Владимирской губернии и один, мастерской Ф.И. Бобров, работавший на Русской фабрике приводных ремней «Леша», располагавшейся в Москве)²⁷.

Беспрепятственный погром продолжался более суток. Вечером 2 ноября Комитет общественной безопасности²⁸ капитулировал, и бои на улицах прекратились²⁹. На следующий день, 3 ноября, в здание Малого театра смогло, наконец, попасть его руководство в лице

²³ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 134–135.

²⁴ Валеева Н.М., Ситко В.П. «Свой век украсил он делами». Жизнь и деятельность купца Александра Григорьевича Кольчугина. М., 2005. С. 4, 79, 88, 95.

²⁵ В тексте телефонограммы об их прибытии название указано ошибочно — Кальчуковская (Документы Великой пролетарской революции. Т. II. С. 151).

²⁶ Бродская С. Из воспоминаний // Октябрьские дни в Москве и районах (по воспоминаниям участников). М., 1922. С. 136; Владимирский М. Октябрьские дни в Москве // Очерки по истории Октябрьской революции в Москве. М.; Л., 1927. С. 296.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–22 об.

²⁸ Комитет общественной безопасности во главе с городским головой Москвы эсером В.В. Рудневым был создан Московской городской думой 25 октября; координировал вооруженное сопротивление большевикам в Москве вплоть до 2 ноября 1917 г.

²⁹ Грунт А.Я. Москва 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 347.

уполномоченного А.И. Сумбатова-Южина и управляющего театром О.А. Правдина. Южин рассказал В.А. Быковскому: «3-го ноября в 11 ½ часов утра, как только возможно было проникнуть в район Малого театра, я явился туда и нашел театр занятым вооруженными людьми, человек до 200. Заявив о себе, что я Уполномоченный по театру, я хотел пройти на сцену и был остановлен. Тем не менее я прошел, заявив, что я обязан быть во вверенном мне помещении. Насилия против меня употреблено не было, ввиду заявления вахтера и других служащих, подтвердивших мое заявление. Я нашел картину полного разгрома кассы, комнат Управления, уборных и некоторых складов, взломанные двери и замки, повсюду осколки разбитых бутылок, людские экскременты, сорванные чехлы с мебели, окурки, остатки пищи, обрывки разных костюмов и т. п. После полуторачасового осмотра всего помещения я вышел из театра, вызвал Управляющего театром О.А. Правдина из занимаемого им в доме гостиницы “Метрополь” помещения и вместе с ним вернулся в театр. При вторичном осмотре мы оба были арестованы, затем О.А. Правдин был отпущен, а я отправился в сопровождении красногвардейца в Военно-Революционный комитет, где был освобожден».

Показания Правдина, в целом рисующие ту же картину, отличались большей подробностью. Около 13:00 Южин зашел за ним в «Метрополь», они вместе отправились в Малый, где увидели «громчайшую толпу Кольчугинских красногвардейцев, человек около 200. Все фойе, коридоры, трюм, проходы к сцене, уборные для публики были в таком ужасном, разгромленном виде, что описанию не поддается. Все эти “гвардейцы” были большей частью люди очень молодые и между ними немало женщин вида очень сомнительного. Пройдя на сцену, я попал сначала в курительную артистов, здесь тоже царил хаос, пол весь усыпан разным хламом, мебель сломана и перевернута, все чехлы с пьянино, рояля и фисгармонии пропали и инструменты стояли открытыми, но, слава Богу, существенно не пострадали. Суконная занавесь была сорвана с карниза и бесследно пропала. В курьерской на лестнице тоже все было переброшено, разорвано и исковеркано. Поднявшись в Канцелярию, я прямо оторопел от представившейся картины: два письменных стола были вскрыты, замки сломаны и вырваны; три шкафа с бумагами были взломаны, бумаги все изорваны, вещи исковерканы, на полу лежали обломки вещей, принесенных из гардероба и бутафорской. Масса бумаг, гримировальных принадлежностей, грязного белья, видимо, брошенного “гвардейцами” и т. п. Рядом, в ватерклозете, вода и экскременты наполняли чашу выше краев и разлились по полу, висели тряпки, женские грязные кальсоны и т. п.».

Войдя в собственный кабинет-уборную, Правдин «остановился на пороге. Так меня ошеломила представившаяся картина: вся комната была полна, тут было человек 10, все были с винтовками, т.е. винтовки стояли у стен, а гвардейцы сидели кто на диване, кто на креслах. С ними были и женщины. На круглом столе стояла фаланга бутылок из-под коньяка, ликеров, вина и водки, объедки еды, консервов, варенья и всякой всячины. Письменный стол стоял со всеми вскрытыми ящиками, причем все было приведено в хаотический вид — все, что было ценного, из ящиков исчезло. Было столько бумажного и другого мусора на полу, что ноги утопали в этой грязи. Комод и ящики, в нем и на нем, были взломаны и почти все выкрадено: ценная бутафория, белье, туалетные вещи, много пар разных сапог, шелковые фуляры, галстуки, шапки и много других разных вещей. <...> Заглянув в шкаф, где хранился мой ценный характерный театральный гардероб, я чуть не заплакал: все было выкрадено, а что осталось, исковеркано штыковыми дырками, а то просто разорвано на клочки — но более всего украдено. Со стены украдены образцы старых денег (настоящих), имеющих цену только для нас. <...> Присутствующие красногвардейцы были с фабрики Кольчугина и когда я осмотрел шкаф, то ясно помню, что некоторые вещи были еще налицо, но на другой день утром и эти остатки уже исчезли. На заявление мое о бесцельности и святотатстве разрушать художественные ценности, красногвардейцы стали так вызывающе держать себя, что я поспешил уйти и, встретив в курительной А.И. Южина, хотел пройти с ним к его разгромленной уборной». Но как только оба артиста дошли до уборной Южина, «мы были остановлены двумя настоящими солдатами с винтовками, которые, спросив у нас, кто мы и зачем мы и, узнав все, стали так кричать на нас, что мы было хотели удалиться, но они заблагорассудили арестовать нас и отправить куда следует и это было бы исполнено, если б только не отказы красногвардейцев, из которых никто не пошел нас конвоировать. Я был отпущен домой, а Южин с гвардейцем отправился в Совет Солдатских депутатов»³⁰.

Е.К. Малиновская, ставшая в Москве главным театральным представителем победившей большевистской партии, вспоминала о том, что Южин сам решительно требовал привести его в Совет «хотя бы арестованного». Признав, что занимавшие Малый театр «дружинники» «позволили себе ряд хулиганских выходов и А.И. Южин вынужден был прибегнуть к требованию ареста ради спасения театра», большевистский комиссар отметила, что «сейчас же» после визита Южина «по моему настоянию» «дружинники» были выведены

³⁰ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 135–136 об.

из театра³¹. Действительно, 4 ноября руководители Малого театра смогли добиться ухода из театра посторонних лиц. О.А. Правдин в своих показаниях В.А. Быковскому сообщил, что утром этого дня он застал в театре Южина и несколько артистов, ожидавших Малиновскую. «Красногвардейцев было 180 человек под командой какого-то Лучкова. Когда г-жа Малиновская пришла, мы с Южиным показали ей весь погром, причем поднялись и в гардероб. Он был ограблен не целиком, а частью, были выбраны: сюртуки, штаны, женские юбки и платки и много обуви. Все остальное составляло одну хаотическую массу. Прежде всего мы просили г-жу Малиновскую избавить нас от красной гвардии и действительно, не прошло и получаса, как явился их начальник штаба Пшенистов и снял все 180 человек. Только тогда мы могли вздохнуть несколько легче и тотчас же принялись приводить в порядок Малый театр»³². Тогда же, 4 ноября, Е.К. Малиновская сделала доклад в МВРК о положении московских театров. Комитет постановил понесенные театрами во время «событий» убытки «предложить покрыть ведомствам, в ведении которых находятся театры», а также «продолжить расследование о хищениях», произведенных в Малом театре³³.

А.И. Сумбатов-Южин 12 ноября писал Ф.Д. Батюшкову: «Когда в Малый театр 4-го явилась комиссар Малиновская, я потребовал прежде всего — вывода из здания всех вторгшихся в него лиц. Это было исполнено немедленно и театр был очищен от завоевателей в 4 часа дня 4-го ноября. Я организовал его охрану нашими служащими и приступил к возможному приведению его в порядок. Во 2-х, 5-го числа я заявил Малиновской, что я и Правдин являемся выборными лицами автономной труппы, а я сверх того Уполномоченный Временного правительства, перед которым и несу ответственность за дело. Что 7-го я собираю общее собрание, по директивам коего и буду действовать впредь до получения инструкций из Петрограда, от учреждений б[ывшего] Министерства [двора]. Она рассыпалась в уверениях, что никакого вмешательства в жизнь театра она не внесет. И действительно, до минуты, когда я пишу эти строки, ни я, ни Малый театр ее больше видом не видали»³⁴. В глазах Южина в этот момент Е.К. Малиновская была представительницей той силы, которая растерзала родную для него сцену — и которую он смог более-менее «укротить», заставить отступить. В действительности большевичка с

³¹ Там же. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 8 об.

³² Там же. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 137.

³³ Октябрь в Москве. Материалы и документы / Сост. Г. Костомаров. М.; Л., 1932. С. 161.

³⁴ ИРЛИ. № 15227. ЛЛ. 5 об.–6.

дореволюционным партийным стажем Малиновская с юности была театралкой, замиравшей от восторга в Нижнем Новгороде во время выступлений М.Н. Ермоловой, а позднее стала одной из основательниц нижегородского общедоступного театра (здание Народного дома, где разместился театр, было возведено ее мужем, архитектором П.П. Малиновским)³⁵. Скорее всего она не меньше Южина и Правдина была шокирована увиденным, хотя по политическим причинам ни тогда, в 1917 г., ни позднее, в мемуарах, не могла особенно акцентировать внимание на бесчинствах красногвардейцев.

Как только артистам удалось восстановить контроль над зданием (Южин и Л.В. Собинов 5 ноября даже получили от МВРК мандат, в которых комитет поручал им «впредь до особого распоряжения выполнять все обязанности, которые были на Вас возложены» как на уполномоченных по Большому и Малому театрам³⁶), в Малом театре начали скрупулезно фиксировать убытки. 6 и 7 ноября назначенная по распоряжению Южина комиссия в составе заведующего хозяйственной частью Канцелярии уполномоченного по Малому театру Н.И. Пенько, заведующего зданием Н.П. Штера, вахтера А.Ф. Оленева, сторожа Г. Тихонова и нескольких пожарных служителей осматривали театр, после чего был составлен протокол. Результаты осмотра, изложенные на трех страницах машинописного текста, были неутешительными: двери помещения кассы «открыты подобранными ключами, из несгораемого шкафа вынуты все шкатулки с деньгами»; «в телефонной будке оторвана трубка со шнуром, самая же будка превращена в клозет»; «в буфете разгромлено все имущество <...> всюду валяются бутылки из-под вина, коробки от консервов и проч.»; в бывшей библиотеке «отбита часть носа от бюста поэта Пушкина, а на лбу имеется след от пули»; в фойе «разбиты: мраморный столик, два стула, порваны 5 диванов»; в нижней уборной «разбиты два унитаза»; «в ложе комиссара Временного правительства оставлены порванные штаны»; в артистической уборной А.И. Сумбатова-Южина «разбит бюст В. Гюго, из стола вынуты деловые бумаги и в беспорядке разбросаны по полу»; «почти все оконные стекла (около 210) во всех помещениях со стороны гостиницы “Метрополь” разбиты» и др. В заключительной части протокола Н.И. Пенько и его товарищи отметили: «Во всех вышепоименованных помещениях кроме взлома замков, шкафов, столов и проч. все содержимое из них выброшено и в хаотическом виде разбросано по полу. Что именно похищено или уничтожено, установить в настоящее время положительно невозможно. Это можно будет определить впослед-

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 4. ЛЛ. 1–4.

³⁶ Московский военно-революционный комитет. С. 205.

ствии, по получении заявлений от гг. артистов, хранивших в своих уборных принадлежащие им городские костюмы пьес текущего репертуара и по приведении в порядок сохранившейся части казенного имущества»³⁷.

В течение ноября был проведен ряд дополнительных осмотров отдельных частей здания, зафиксировавших разгром приемного покоя, похищение денег из несгораемого шкафа в кассе, 7 проколов штыком в портрете М.С. Щепкина, украшавшем фойе театра³⁸. Одновременно в адрес театрального руководства начали поступать заявления от артистов и служащих об утрате их находившегося в театре личного (в некоторых случаях и казенного) имущества во время захвата театра солдатами и красногвардейцами. Так, вахтер А.Ф. Оленев, который, судя по приведенным выше воспоминаниям, чуть ли не братался с кольчугинцами, лишился значительного имущества (по его собственной оценке — на крупную сумму в 1 264 руб.), в том числе двух костюмов «триковых», двух суконных пальто, каракулевой шапки, фетровой шляпы и четырех медалей «За усердие» (золотой, серебряной и двух бронзовых). А.А. Яблочкина, в мемуарах не заметившая «серьезных повреждений», в ноябре 1917 г. оценила понесенный ущерб в 215 руб. (в том числе пропали «украшения с подаренными бриллиантами», грим, зеркало и другие вещи). Наибольшие убытки понесла артистка О.В. Гзовская (у нее украли только две вещи, но дорогие — бархатную шубку за 1 200 руб. и китайский шелковый халат за 900), а также А.И. Сумбатов-Южин и О.А. Правдин (оценившие свои потери в 2 500 и 2 547 руб. соответственно). Из наиболее ценных вещей у Южина были похищены две «пиджачных пары» работы портного Дюшара, стоимостью не менее 2 000 руб., которые артист надевал в пьесе «Ночной туман», а Правдин лишился «ценной шкатулки» и шкафчика с бутафорскими вещами (орденами, звездами, золотыми и серебряными цепочками и «разной подобной ценной для артиста мелочью» общей стоимостью в 500 руб.), а также множества предметов одежды и реквизита (эполет, «шпаги городничего» и пр.). Общая сумма претензий артистов и представителей технического персонала, а также нескольких служащих оркестра Большого театра (хранивших инструменты в «музыкальной комнате» Малого) к январю 1918 г. составила 15 194 руб. 55 коп.³⁹

Поскольку шанс получить компенсацию от красногвардейцев или МВРК был, откровенно говоря, невелик, руководству театра необходимо было срочно изыскать хоть какую-то сумму на покрытие

³⁷ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–8.

³⁸ Там же. Л. 12–13, 17.

³⁹ Там же. Л. 32, 49–51, 64, 71–75, 91, 100.

первоочередных расходов. 12 ноября Южин, «не имея никакой возможности точно исчислить в настоящее время требуемые суммы на восстановление произведенных разрушений и расхищенного имущества», отправил запрос в бывший Кабинет Его Величества о переводе в его распоряжение 30 000 рублей (временно исполнявший обязанности комиссара над бывшим Министерством двора и по совместительству управляющий бывшим Кабинетом Н.Э. Рюдман 16 ноября разрешил открыть тридцатитысячный кредит по смете). Однако получить эти деньги ввиду контроля большевиков над банками было непросто. 17 ноября Южину телеграфировал Батюшков, сообщивший, что «вследствие закрытия Банков раньше субботы невозможны переводы», зато в «Московском казначействе имеется около 300 000, из которых могут производиться выдачи по Вашим ассигновкам. [В] субботу выяснится, сколько удастся перевести [на] будущей неделе»⁴⁰.

Бессилие главноуполномоченного оказать экстренную помощь Малому театру вызвало у Южина подобие нервного срыва, в состоянии которого он написал 18 ноября ответ Ф.Д. Батюшкову. «Наши Банки в том же положении. Если будут переведены деньги на них или через них, получить их, без специального обращения в Военно-Революционный К[омитет], будет невозможно. А мыслимо ли это?⁴¹ Те 300 т., о которых Вы пишете, Моск[овское] Отд[еление] Кассы б. М[инистерст]ва не может выцарапать — и ассигновки остаются без оплаты», — писал Южин, подчеркивая отчаянное положение театра: «разбитые окна зияют, значит отопления нельзя производить, а вставить их невозможно: нет денег на покупку стекол, подрядчик ходит с ассигновкою в Кассу М[инистерст]ва — с нею же и возвращается, значит платить рабочим нечем и рабочие, которые получают где угодно 25 руб. в день за вставку стекол, у него разбегаются. <...> 21-го решено открыть спектакли. На них открыта продажа, а между тем вернуть деньги за проданные и несостоявшиеся спектакли 28 окт. — 5 нояб. нельзя, ибо не могу получить из Кассы М[инистерст]ва денег за них. И так далее, и так далее». Южина страшила и перспектива выплаты жалованья за ноябрь, которая должна была начаться 20 числа («я с ужасом гляжу на эти десять дней и на то, что они могут вырвать в кадрах служащих, артистов, рабочих, всех!!»). Глава Малого театра настаивал на немедленном командировании в Москву из Петрограда «верного человека с потребною суммою на ближайшие ноябрьские и декабрьские расходы», угрожая в противном случае послать «телеграмму о сложении полномочий». В конце

⁴⁰ Там же. Л. 26–28.

⁴¹ Фраза дописана Южиным сверху основного текста.

письма, осознавая, что Батюшков, в сущности, мало может повлиять на сложившуюся ситуацию, Южин приписал: «Я понимаю, что Вы не при чем, что Вы сами мучаетесь. Надо, чтобы Кабинет и Н.Э. Рюдман изменили формальное отношение к этим вопросам ввиду исключительных, небывалых условий»⁴². Отметим, что Батюшков понимал все это не хуже Южина, и уже 14 ноября, пересылая Н.Э. Рюдману предыдущее письмо Южина и копии документов о разгроме театра, просил «зависящих распоряжений о переводе в кратчайший по возможности срок соответствующих сумм денег на текущие расходы по Управлению Малым театром в Москве»⁴³.

Руководители Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора, которым оставалось занимать должности всего несколько недель, до разгона и увольнения большевиками, имели немного возможностей для помощи Малому театру. Тем не менее тридцатитысячный кредит все же был переведен, причем из-за сложностей с подсчетом убытков он оказался не таким уж экстренно нужным — еще и в июне 1918 г. 20 337 р. 90 к. из него оставались неизрасходованными⁴⁴. Причина была в том, что представители Контроля (бывшего Министерства двора, затем — Народного комиссариата имуществ Республики) возражали против использования кредита для выплат пострадавшим частным лицам, настаивая на приоритетном возмещении казенных убытков, которые и к концу 1918 г. не были полностью подсчитаны⁴⁵. Одновременно администрация «дома Щепкина» форсировала восстановительные работы в театре, стараясь по мере возможности мотивировать привлекаемый к ним технический персонал. Так, рабочим и портным, участвовавшим в ноябре в разборке гардероба, О.А. Правдин разрешил пользоваться бесплатными обедами (за счет театра) в Московском театральном училище, рабочим было также обещано добавочное вознаграждение⁴⁶.

В феврале 1918 г. помимо комиссии по восстановлению поврежденных и расхищенного имущества в Малом театре была создана отдельная подкомиссия (под председательством О.А. Правдина) для рассмотрения заявленных претензий артистов, экстернов и служащих. Собравшись 19 февраля (н. ст.), подкомиссия произвела переоценку претензий 48 пострадавших, причем многие из них были

⁴² РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 29–29 об. Цитируется по черновому варианту письма.

⁴³ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 441. Л. 2.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 130.

⁴⁵ Там же. Л. 96–97, 127–127 об.

⁴⁶ Там же. Л. 39–41, 43.

уменьшены (с мотивировками «дорого ценят», «табак держат дома», «за духи М[алый] т[еатр] не отвечает»). Общую сумму ущерба, понесенного частными лицами, снизили до 12 417 руб. 45 коп. (по другим данным, до 12 882 руб. 45 коп.)⁴⁷. Отдельно рассматривалось заявление арендатора кафе и буфета при Малом театре И.В. Антошина, оценившего свои убытки в сумму не менее, чем 9 431 р. 04 к. — в переписке о том, кто должен возмещать этот ущерб, которую театр вел с коллективом служащих бывшего Кабинета Его Величества и Московским отделением Контроля Народного комиссариата имуществ Республики, еще и в апреле 1918 г. не было принято окончательного решения⁴⁸. Впрочем, артисты и служащие и в октябре 1918 г. не получили возмещение ущерба (за исключением ряда предметов одежды, возвращенных в Малый театр председателем следственной комиссии Кольчугинской фабрики Нулановым, взявшимся за дело после того, как среди рабочих этого предприятия «появилась масса лиц, одетых заново в костюмы, которые очевидно похищены из какого-либо театрального гардероба»). Ссылаясь на то, что цены с начала 1918 г. поднялись «в двадцать и более раз», подкомиссия Правдина в переписке с Финансово-счетным отделом Народного комиссариата имуществ Республики предлагала в октябре «удовлетворить потерпевших по крайней мере в двойном размере»⁴⁹. Колоссальная инфляция вкупе с нежеланием комиссариата имуществ заниматься компенсацией ущерба (представители Правового отдела комиссариата на заседании 29 июля 1918 г. заявили артистам, что отдел «не находит оснований к возмещению убытков пострадавших, т. к. данный случай им приравнивается к народному бедствию»⁵⁰), а также затянувшаяся переписка с другими народными комиссариатами (внутренних дел, по военным делам), ссылавшимися на отсутствие у них должных сведений⁵¹, фактически обрекали потерявших свое имущество в театре на то, чтобы просто смириться с этим.

Таковы были хозяйственные итоги разгрома Малого театра. Большое значение для всего московского театрального мира имели и его общественно-политические последствия.

⁴⁷ Там же. Л. 102–102 об., 125.

⁴⁸ Там же. Л. 117–120 об.

⁴⁹ Там же. Л. 124–125; ГЦТМ. Ф. 217. № 4975. Л. 1; № 4977. Л. 1–4.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 126. На это О.А. Правдин тут же возразил, что артисты «пострадали не от народного бедствия, а от правительственных агентов (красно-гвардейская армия), посланных правительством охранять имущество театра и артистов и занявшихся разгромом этого имущества, ибо следственная комиссия Кольчугинской фабрики, из рабочих которой состоял последний отряд, приезжала неоднократно в Москву и возвращала похищенные вещи театра и артистов» (Там же).

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р–410. Оп. 1. Д. 63. Л. 15, 24–26.

7 ноября 1917 г. в Малом театре состоялось общее собрание всех артистов, рабочих и служащих. В принятой ими единогласно резолюции подчеркивалось, что деятельность Малого театра «как учреждения, служащего вечным задачам всенародного просвещения и художественной культуры, должна продолжаться без зависимости от переворотов политического характера и смен государственной власти» (в черновике, испещренном пометами А.И. Сумбатова-Южина, бывшего одним из авторов (если не единственным автором) резолюции, эта мысль поначалу была проведена более резко: «ввиду постоянной смены властей и течений его существование является совершенно беззащитным от разнообразных и часто разрушительных влияний») и должна быть «возобновлена в кратчайший срок, как только будет восстановлена полная гарантия свободы деятельности всех культурных учреждений и печати и как только позволит возможное восстановление разгромленного помещения и расхищенного имущества театра». Впредь до выработки Статута Малого театра, над которым труппа работала уже несколько месяцев, он, согласно резолюции, должен был работать «на началах полного самоуправления выборными его органами, без всякого вмешательства в дело его управления каких бы то ни было учреждений или лиц, не входящих в его состав»⁵². Последняя фраза, конечно, была намеком, адресованным МВРК и комиссару Е.К. Малиновской. На следующий день, 8 ноября, схожую по смыслу резолюцию приняло и собрание артистов Большого театра под руководством певца Ф.В. Павловского, требовавшее, чтобы «театр, как автономная единица» не зависел «ни от каких директив»⁵³.

12 ноября Южин, довольный принятыми резолюциями, писал Ф.Д. Батюшкову: «Единственным исходом из положения было установление независимости Малого театра от захватившей власть партии, которое Вы усмотрите в прилагаемом протоколе нашего заседания 7-го ноября. Оно было единственным средством обереечь от посягательства на нас их органов. <...> 7-го, после собрания, вернувшись домой, я узнал, что в мое отсутствие у меня дома был Ф. А-ч⁵⁴. В тот же вечер я зашел к нему, передал ему все, что произошло, прочел протокол О[бщего] С[обрания], выяснил основную почву, на

⁵² РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. Л. 115.

⁵³ Собрание артистов Большого театра // Театр. 1917. 9–11 ноября. В черновом варианте совместного служебного письма Ф.Д. Батюшкову Южин и Павловский, очевидно, координировавшие свои действия, подчеркивали, что Большой и Малый театр вынесли «однородные» постановления (РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 25).

⁵⁴ Ф.А. Головин, член кадетской партии, в 1917 г. — комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора, которому подчинялись и государственные театры.

которую мы стали, ее причины и ожидаемые последствия и встретил полное его сочувствие и одобрение всего сделанного. С 8-го по сегодняшний день, послав Вам телеграмму вместе с Павловским, и “с оказией”, через Е.Н. Рошину⁵⁵, резолютивную выписку из протокола, занялся подготовкой прилагаемых документов, а также организацией восстановления местной деятельности. Откроем, если ничего не изменится к худшему, по-моему, не раньше начала 20-х чисел». В тексте письма Южин несколько раз подчеркнул политическое значение принятой артистами и служащими резолюции: «Обратите внимание на все, отмеченное в протоколе 7-го ноября синим карандашом, устанавливающее то общее положение, по которому мы не сносимся ни с каким учреждением, кроме учреждений б[ывшего] М[инистер]ва Двора. Это ответ на многое, что здесь происходило для установления связи с органами одержавшей верх партии, и Ваши телеграммы должны, так сказать, утвердить это положение»⁵⁶.

Пресса тем временем не скупилась на резкие слова в адрес разгромивших Малый театр красногвардейцев, которых именовали «вандалами»⁵⁷, «темными людьми»⁵⁸, «варварами», «гуннами XX века»⁵⁹, «громиллами» и «надругателями»⁶⁰. Обсуждались и потери в коллективе Большого театра, один из сторожей которого был убит, возвращаясь с дежурства⁶¹, а ученик Московского театрального училища Сергеев, который на следующий год должен был пополнить балетную труппу Большого, получил тяжелое ранение в ногу⁶². Совет Русского театрального общества просил московские театры высылать ему материалы, касающиеся «повреждений театральных зданий, расхищения и уничтожения театрального имущества, произвола и насилия над отдельными деятелями театра»; подобный же материал (но уже только касательно Большого и Малого театров) планировала собрать и опубликовать Центральная театральная библиотека в Петрограде⁶³. Всё это способствовало формированию в интеллигентных кругах атмосферы сочувствия к пережившим погром театрам, наравне с резким осуждением действий погромщиков. Когда 21 ноября Малый театр всё же открылся (спектаклем «Горе от ума»), публика то и дело прерывала игру актеров шумными оваци-

⁵⁵ Е.Н. Рошина-Инсарова — актриса Александринского театра.

⁵⁶ ИРЛИ. № 15227. Л. 5 об.—7.

⁵⁷ *Родя*. Арабески // Театр. 1917. 9–11 ноября.

⁵⁸ *Театрал*. Уважение к театру // Там же. 15–17 ноября.

⁵⁹ *Р. М.* Привет вам! // Там же. 21–22 ноября.

⁶⁰ *Вильде Н.* Надругатели // Там же.

⁶¹ *Собрание артистов Большого театра* // Там же. 9–11 ноября.

⁶² *Ш.* Трагедия танцовщика // Новости сезона. 1917. 23–25 ноября.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 109, 111.

ями. Критик, отметивший «трогательную» атмосферу на этом спектакле, писал: «“овацировали” не Фамусову, не Чацкому и не Софье <...> Это была, можно сказать, овация-протест. Протест против оскорбления, нанесенного “дому Щепкина”»⁶⁴.

Разгром Малого театра потряс не только его прославленную драматическую труппу. По мере того как, благодаря прессе, выяснялись подробности действий кольчугинского отряда, росло возмущение среди всех ценителей театра и в Москве, и за ее пределами. Сочувствие к «мученикам»-актерам было в этом случае неотделимо от презрения к «громилам». «Сорвавшиеся с картин Гойи» красногвардейцы тем самым способствовали укреплению среди артистов и публики определенно антибольшевистского настроения. Это усилило позиции сторонников бойкота новой власти, к которым относилось практически всё руководство театрального ведомства во главе с Ф.Д. Батюшковым.

Список литературы

Валеева Н.М., Ситко В.П. «Свой век украсил он делами». Жизнь и деятельность купца Александра Григорьевича Кольчугина. М.: ООО «АМА-Пресс», 2005. 176 с.

Войтиков С.С. Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 575 с.

Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 856 с.

Грунт А.Я. Москва 1917-й: Революция и контрреволюция. М.: Наука, 1976. 387 с.

[Предисловие] // Двинцы. Сборник воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документы. М.: Московский рабочий, 1957. С. 3–6.

Поступила в редакцию
18 февраля 2022 г.

⁶⁴ Театр и музыка // Русские ведомости. 1917. 23 ноября; *Родя*. Арабески // Театр. 1917. 26–27 ноября.